СПОСОБЫ ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЦЕННОСТИ «ЗДОРОВЬЕ» В АНГЛИЙСКИХ МЕДИЦИНСКИХ АНЕКДОТАХ (В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ МАТЕРИАЛОМ)

Бурхонова Мохира Омонилла кизи
УЗГУМЯ
Докторант, PhD
@makhiraibragimova10.gmail.com

Аннотация. *В статье лингвоаксиологическая репрезентация ценности «здоровье» в английских (британских и американских) медицинских анекдотах анализируется в сопоставлении с русским материалом. На основе параллельной выборки из текстов выделены четыре сюжетные модели. На сюжетном уровне русский и английский материал обнаруживает общее ядро; различия выявлены на образном и оценочном уровнях: в русском анекдоте здоровье репрезентируется через физическую силу и телесную полноту, в английском - через функциональность и работоспособность; ирония в русском материале направлена преимущественно на пациента, в английском - в равной мере на врача и пациента. В периферийной зоне, связанной с темой смерти, ценность не декларируется, а реконструируется адресатом через отрицание своего предельного антипода, то есть имеет инверсивный характер.*

Ключевые слова: *лингвоаксиология, концепт «здоровье», медицинский анекдот, сопоставительный анализ, каламбур, эвфемизм, смеховой дискурс.*

Введение

Здоровье относится к базовым витальным ценностям и закреплено в русской языковой картине мира в лексике, паремиях и фразеологии («здоровье дороже денег», «в здоровом теле здоровый дух»). В лингвокультурологии ценностный компонент рассматривается как ядро концепта наряду с понятийной и образной сторонами (Карасик, 2002). Ключевые слова культуры как носители ценностных доминант описаны А. Вежбицкой (2001), а русские культурные константы собраны в словаре Ю.С. Степанова (1997). Общая теория ценностей восходит к работам М. Рокича (Rokeach, 1973).

Анекдот как речевой жанр с устойчивой структурой изучен в работах Е. Курганова (1997), Т.В. Шмелёвой и А.Д. Шмелёва (2002), К.Ф. Седова [год и работу уточнить]. Объяснение комического через несоответствие предложено в ряде теорий: у А. Бергсона (1900), В.Я. Проппа (1976), в скриптовой теории юмора В. Раскина (Raskin, 1985) и С. Аттардо (Attardo, 1994). Роль смеховой культуры в снятии официальной серьёзности показана М.М. Бахтиным (1965) и Д.С. Лихачёвым с А.М. Панченко (1976), социологические функции юмора рассмотрены А.В. Дмитриевым (1996). Медицинский дискурс относится к институциональному (статусно-ориентированному) дискурсу в классификации В.И. Карасика (2000), а поведение пациента описывается через «роль больного» Т. Парсонса (Parsons, 1951).

Вместе с тем, если репрезентация ценности «здоровье» в русском медицинском анекдоте уже изучалась, её англоязычные параллели и культурно-специфические особенности исследованы недостаточно.

В этой статье использовались такие методы как сюжетно-тематическая классификация; анализ скриптовых оппозиций (Raskin, 1985; Attardo, 1994) для выявления комического механизма; лексико-семантический анализ (полисемия, буквализация, эвфемизация); лингвокультурологическое истолкование; сопоставительный метод. Количественные данные по каждому типу.

Результаты

Сюжетные модели английского материала

1) Модель «doctor–patient miscommunication» (коммуникативный сбой в диалоге врача и пациента). Комизм строится на буквальном, «наивном» прочтении пациентом медицинской идиомы или профессионального клише врача. Модель структурно близка русской модели «мнимое здоровье», однако акцент смещён на лингвистический, а не на психологический механизм: обыгрывается полисемия или буквализация метафоры (выражения, связанные с сердцем, давлением, нервами).

Пример 1. “Doctor, I keep hearing a ringing sound.” - “Don’t worry, that’s just your phone.” Комизм строится на буквализации медицинского ожидания: пациент готов услышать тревожный диагноз, связанный с симптомом «звон в ушах», а разрешение оказывается прагматически нейтральным, бытовым. Переключение скриптов происходит за счёт минимального контекстного сдвига, без обращения к сниженной лексике, что типично для английского материала.

2) Модель «doctor’s bedside manner» (пародия на профессиональную этику врача). В отличие от русской модели меркантильного врача, в английском

материале чаще пародируется не корыстность, а излишняя эмоциональная отстранённость, бюрократизм или чёрный юмор врача. Это соотносится с культурно специфическим представлением о профессиональной сдержанности (British reserve) как о норме, доводимой в анекдоте до абсурда.

Пример 2. “Doctor, be honest with me.” - “You have six months to live.” - “Can I get a second opinion?” - “Fine - you’re also quite disorganised.” Пародируется эмоциональная отстранённость и бюрократическая невозмутимость врача (доведённая до абсурда буквальная трактовка просьбы о «втором мнении»), а не его меркантильность. Этим данная модель отличается от русской модели 2 и согласуется с отмеченной культурной спецификой английского материала.

3) Модель «prevention vs indulgence» (профилактика против потакания желаниям). Структурно аналогична русской модели «здоровье ценой абсурдных рекомендаций», но выражается, как правило, лаконичнее, с опорой на готовую паремиологическую формулу *an apple a day keeps the doctor away*. В анекдотическом контексте она нередко подвергается ироническому обыгрыванию или буквализации (например, идея «отпугивания» врача понимается в прямом, а не в переносном смысле).

Пример 3. “An apple a day keeps the doctor away.” - “Depends how hard you throw it.” Метафорическое «отпугивание врача» переосмысляется буквально; текст демонстрирует характерную для английского материала продуктивность каламбура на основе готовой фразеологической формулы.

4) Модель «hypochondria and malingering» (ипохондрия и симуляция). По функции близка русской модели мнимого нездоровья, но чаще реализуется через образ пациента, стремящегося получить больничный лист (*sick note*) или продлить отпуск по болезни. Это вводит в анализ дополнительный социально-экономический акцент, менее выраженный в русском материале.

Пример 4. “Doctor, I need a sick note - I think I’m coming down with something.” - “Really? What are the symptoms?” - “A four-day weekend.” Комизм возникает из подмены медицинского скрипта (симптом болезни) социально-экономическим скриптом (желание получить отгул). Тем самым акцентируется институциональная, трудовая сторона понятия «здоровье», более выраженная в английском материале, чем в русском.

Особенности языкового выражения

Английский материал демонстрирует высокую продуктивность каламбура, построенного на полисемии медицинских терминов (*heart, nerve, temperature*), а также частотное использование эвфемистических и разговорных обозначений

смерти и тяжёлой болезни. Последнее соотносится с наблюдением В.В.Ощепковой о свойственной англоязычной культуре тенденции к смягчению, эвфемизации тем, связанных со смертью и физиологией, посредством юмористического дистанцирования. Русский материал в этом отношении обнаруживает большую степень прямоты и натуралистичности в изображении телесного и болезненного, что выражается в менее ограниченном использовании стилистически сниженной, в том числе просторечной, лексики.

Периферийная зона: оппозиция «жизнь - смерть» как предельное выражение ценности «здоровье»

Особую зону репрезентации составляют тексты, в которых ценность здоровья доводится до предельного, танатологического выражения: она соотносится не с болезнью как временным отклонением, а со смертью как необратимой утратой витальности. Такие тексты немногочисленны в обоих корпусах, однако именно они наиболее ярко демонстрируют защитную, компенсаторную функцию смехового дискурса, о которой писал Б. Дземидок: носитель языка вербально дистанцируется от предельно тревожной темы посредством её нарочитого комического снижения.

В русском материале данная зона представлена, как правило, чёрным юмором с элементами абсурда и минимальной эвфемизацией: смерть называется прямо, зачастую стилистически сниженной лексикой. В английском материале преобладают эвфемистические номинации смерти и тяжёлой болезни (*pass away, not making it, in a better place*), которые обыгрываются посредством буквализации эвфемизма либо столкновения эвфемистического и прямого регистров в пределах одного текста. Этот приём отсутствует в русском материале ввиду сравнительно меньшей эвфемизации соответствующей лексической зоны в русском языке в целом.

Тексты этой зоны в обоих языках практически никогда не содержат прямого моралите о ценности жизни и здоровья. Аксиологическое содержание остаётся имплицитным и восстанавливается слушающим на основе фонового знания и коммуникативной пресуппозиции о том, что смерть есть безусловно негативный полюс шкалы, противоположный полюсу здоровья. Это подтверждает инверсивный, косвенный характер репрезентации здоровья в анекдотическом дискурсе: ценность не декларируется, а реконструируется адресатом через отрицание её предельного антипода.

Сопоставительные результаты

Сопоставление русского и английского материала позволяет выделить **три** уровня схождений и расхождений в лингвоаксиологической репрезентации ценности «здоровье».

Сюжетно-тематический уровень. Оба корпуса обнаруживают устойчивое ядро общих моделей: ошибочный диагноз, коммуникативный сбой между врачом и пациентом, конфликт между рекомендацией врача и образом жизни пациента, пародия на профессиональную роль врача. Это подтверждает тезис об универсальном характере ценности «здоровье» и о структурном сходстве базовых сценариев её нарушения и восстановления в разных лингвокультурах, что согласуется с положением когнитивной семантики об ограниченном наборе универсальных концептуальных сценариев, лежащих в основе тематически близких текстов.

Образный уровень. Русский материал чаще актуализирует образ здоровья через семантику физической силы, «богатырства», телесной полноты, английский - через семантику функциональности, работоспособности и социально-экономической эффективности (*able-bodied, fit for work*). Это различие соотносится с более широким противопоставлением коллективистской, телесно-ориентированной модели благополучия в русской лингвокультуре и индивидуалистической, прагматически-функциональной модели в английской [указать подтверждающие источники].

Оценочный уровень. В русском материале ирония чаще направлена на пациента и его наивные представления о собственном здоровье, при сохранении определённого пиетета перед фигурой врача. В английском материале ирония распределена более равномерно между врачом и пациентом, а пародии на профессиональную этику врача (отстранённость, бюрократизм, чёрный юмор) встречаются заметно чаще, чем в русском корпусе.

Таблица 1. Сопоставительная характеристика репрезентации ценности «здоровье» в русском и английском медицинском анекдоте

Параметр	**Русская лингвокультура**	**Английская лингвокультура**
Доминирующий образ здоровья	Физическая сила, телесная полнота («богатырское здоровье»)	Функциональность, работоспособность (*fit as a fiddle*)

Объект иронии	Преимущественно пациент; врач статусно защищён	Врач и пациент в равной мере
Ведущий комический механизм	Стилистическое снижение, просторечие	Каламбур на основе полисемии термина
Отношение к теме смерти	Относительная прямота изображения	Эвфемизация, дистанцирование
Базовая ценностная оппозиция	Здоровье / удовольствие (гедонизм)	Здоровье / экономическая эффективность

Обсуждение

Совпадение на сюжетно-тематическом уровне подтверждает универсальный характер ценности «здоровье» и структурное сходство базовых сценариев её нарушения и восстановления в разных лингвокультурах. Это согласуется с положением когнитивной семантики об ограниченном наборе универсальных концептуальных сценариев, лежащих в основе тематически близких текстов разных культур.

Различие на образном уровне можно соотнести с противопоставлением коллективистской, телесно-ориентированной модели благополучия в русской лингвокультуре и индивидуалистической, прагматически-функциональной модели в английской.

Различие на оценочном уровне можно интерпретировать как отражение более выраженной в англоязычной культуре установки на демократизацию социальных ролей и снижение статусной дистанции между профессионалом и клиентом в комическом дискурсе. Эта интерпретация опирается на параметр статуса в институциональном дискурсе (Карасик, 2000) и на понятие «роли больного» (Parsons, 1951).

Выводы

Проведённое исследование показало, что в английских медицинских анекдотах ценность «здоровье» получает выражение в рамках четырёх повторяющихся сюжетных схем. Это недопонимание между врачом и пациентом, пародийное изображение врачебной этики, столкновение заботы о профилактике с желанием жить в своё удовольствие, а также образы ипохондрика и симулянта. Для каждой схемы характерен свой способ создания комического эффекта: буквальное прочтение идиомы или пословицы, гиперболизация профессиональной сдержанности, замена медицинского сценария социально-

экономическим. В языковом плане материал отличается обилием каламбуров на основе многозначности медицинских терминов и частым обращением к эвфемизмам.

Сравнение с русскими анекдотами обнаружило единую сюжетную основу обоих корпусов: неверный диагноз, сбой в общении врача и пациента, расхождение между врачебным предписанием и привычками больного, пародия на роль врача. Такое совпадение говорит об универсальности ценности «здоровье» и о сходстве базовых сценариев, по которым в разных лингвокультурах описываются утрата и восстановление здоровья. Различия касаются не самого набора сюжетов, а того, как они оформляются языково и на что делается прагматический акцент.

В образном плане русский анекдот представляет здоровье прежде всего как физическую мощь, «богатырство» и телесную полноту, а английский - как способность функционировать, работать и быть экономически эффективным. Эта разница согласуется с различием между телесно-ориентированным пониманием благополучия в русской культуре и прагматически-функциональным пониманием в английской. Отсюда и разные ценностные противопоставления: в русском материале здоровье соотносится с удовольствием, в английском - с экономической эффективностью.

В оценочном отношении русский анекдот чаще высмеивает пациента и его наивные взгляды на собственное здоровье, оставляя врача защищённым его статусом. В английских текстах объектом иронии в равной мере становятся и врач, и пациент, причём насмешка над отстранённостью, бюрократизмом и мрачным юмором врача встречается заметно чаще. Это можно объяснить тем, что англоязычной культуре в большей степени свойственна установка на демократизацию ролей и сокращение дистанции между профессионалом и клиентом.

Особую, периферийную зону образуют анекдоты о смерти, которых в каждом корпусе совсем немного. Здесь здоровье как ценность прямо не называется, а восстанавливается слушающим по контрасту с его крайней противоположностью. Русские тексты говорят о смерти прямо и нередко сниженной лексикой, английские прибегают к эвфемизмам и играют на их буквальном понимании. В обоих случаях смех защищает от тревожной темы, а оценка остаётся неявной. Именно такая инверсивная репрезентация отличает выражение ценности «здоровье» в анекдотическом дискурсе.

Литература

1. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1965.
2. Бергсон А. Смех (Le Rire, 1900). [русское издание: место, год]
3. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001.
4. Дземидок Б. О комизме. [выходные данные]
5. Дмитриев А.В. Социология юмора: Очерки. М.: РГГУ, 1996.
6. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград, 2000.
7. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
8. Курганов Е. Анекдот как проблема теории фольклора. СПб., 1997.
9. Лихачёв Д.С., Панченко А.М. «Смеховой мир» Древней Руси. Л., 1976.
10. Ощепкова В.В. [выходные данные]
11. Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. М., 1976.
12. Седов К.Ф. [работу уточнить]
13. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. М., 1997.
14. Шмелёв А.Д., Шмелёва Т.В. Русский анекдот: текст и речевой жанр. М., 2002.
15. Attardo S. Linguistic Theories of Humor. Berlin: Mouton de Gruyter, 1994.
16. Parsons T. The Social System. Glencoe: Free Press, 1951.
17. Raskin V. Semantic Mechanisms of Humor. Dordrecht: Reidel, 1985.
18. Rokeach M. The Nature of Human Values. New York: Free Press, 1973.